

Латыши и белорусы: вместе сквозь века. Сборник научных статей / Под общ. ред. М. Г. Королёва. – Минск: РИВШ, 2012. – С. 57–62.

ЛАТЫШИ НА ОРШАНЩИНЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

M. Королёв
г. Витебск, Беларусь

У артыкуле разглядаецца становішча латышскай нацменшасці ў Аршанскай акрузе БССР у 1920–1930-я гг. Закранаюцца пытанні работы акружнога Латбюро, асаблівасці сацыяльна-эканамічнага і сацыяльна-культурнага жыцця латышоў у названы перыяд.

In article the condition Latvian ethnic minority in the Orshansky district of BSSR in the 1920-1930th is considered. Questions of work of district Latbyuro, feature of social and economic and welfare life of Latvians during the called period are mentioned.

Издавна белорусские земли были родным домом для различных национальностей. Веками здесь мирно сосуществовали белорусы, русские, поляки, евреи, украинцы, латыши, татары и представители других народов. В то же время сегодня проведение глубоко продуманной, соответствующей интересам страны государственной политики в сфере межнациональных отношений невозможно без основательного осмысления предыдущего опыта, особенно того, который был получен в первые десятилетия советской власти. Если вопросы касательно положения польского и еврейского нацменьшинства современными историками рассматриваются достаточно часто и подробно, то про латышей этого сказать нельзя. В данной статье на основании архивных материалов будет сделан краткий обзор положения латышей в Оршанском округе БССР в 1920–1930-е гг.

Сложное внешне- и внутриполитическое положение молодого советского государства в первое десятилетие его существования имело следствием достаточно долгий процесс становления границ, что затрагивало союзные республики даже после подписания договора о создании СССР. Отторгнутые от белорусского государства в 1919 г. этнические территории были частично возвращены в результате укрупнений БССР в 1924 г. и 1926 г. Среди них были и оршанские земли, которые составили ядро образованного в июле 1924 г. Оршанского округа. Первоначально он включал 10 районов: Богушевский, Горецкий, Дрибинский, Дубровенский, Копыssкий, Кохановский, Круглянский, Ляднянский, Оршанский и Толочинский. Просуществовал он, как и большинство округов СССР, до июля 1930 г., когда был упразднён в связи с административно-территориальной реформой.

Работа с латышским населением на возвращённых территориях проходила в русле объявленной несколькими годами ранее политики белорусизации, которая предполагала широкие возможности и для развития культур национальных меньшинств. Руководство данным направлением работы возлагалась на коммунистов латышской национальности, коих на начало 1925 г. числилось по округу 18 человек [1, л. 104]. Практически все они проживали в городе и не имели прямой связи с деревней. Среди латышей-коммунистов по сфере основной работы можно выделить несколько групп:

- рабочие железной дороги (председатель Латбюро Ф.К. Бригис, например, работал столяром в депо);
- студенты рабфака;
- работники Горецкого сельскохозяйственного института (включая М.И. Эрдмана, бывшего начальника Слуцкой окружной милиции, а на тот момент возглавлявшего институт);
- единичные работники других учреждений [1, л. 104].

Координировать деятельность среди латышей округа было призвано созданное в конце 1924 г. Латбюро, которое состояло из 8 человек (включая 5 студентов рабфака) [1, л. 85]. Именно они должны были наладить контакт с латышскими колониями, вести там политическую, просветительскую и культурную работу. За основу составления плана деятельности и определения её форм была взята работа Польбюро, которое уже успешно функционировало в округе. Центральное Бюро Латсекции при ЦК КП(б)Б ставило целью втянуть в это дело всех латышей-коммунистов округа. Но из-за того, что большинство латышей-партийцев были ответственными работниками на должностях, которые требовали от них частых командировок, сделать это не представлялось возможным. К тому же не редки были переводы латышей на аналогичные должности в другие округа. С другой стороны, нельзя не отметить, что сами латыши-партийцы не были заинтересованы вести работу среди представителей своего народа и старались увильнуть от неё под различными предлогами [5, л. 42]. Всё это в определённой степени тормозило развёртывание работы среди латнаселения. Собрать совещание латработников было крайне затруднительно. В июне 1927 г. на заседании Латбюро даже было принято решение о нецелесообразности своего дальнейшего существования [2, л. 8]. Однако тогда оно не было одобрено властями. Несмотря на все эти трудности, определённая работа среди латышей округа была проделана.

Первая задача, поставленная перед созданным Латбюро, была проведение учёта латышского населения округа. Согласно приблизительным подсчётам, на начало 1920-х гг. на территории БССР проживало ок. 20 тыс. латышей. В первые послевоенные годы протекали процессы, связанные с оптацией белорусскими латышами гражданства созданной независимой Латвийской Республики и выездом на этническую родину. Считалось, что в Оршанском округе проживает ок. 370 латышей [1, л. 33]. Латбюро при Оршанском окружкоме КП(б)Б ещё на первом заседании прикрепило для связи и обслуживания населённых латышами пунктов ответственных товарищей, коим было поручено выехать до января 1925 г. на места для изучения ситуации [1, л. 34]. Однако на практике оказалось, что многие указанные центральным Латбюро населённые пункты находились на территории соседних округов [1, л. 42]. Данный казус можно объяснить тем, что новое административное деление существовало на тот момент менее полугода. Тем не ме-

нее, в результате выездов удалось значительно уточнить число и места расселения латышей в округе. Как наиболее крупные колонии здесь выделялись застенки Грузды Богушевского района и хутор Ганусин Бор Оршанского района. Большинство же латышских хозяйств было разбросано по округу (по 1–2 хозяйства в сельсовете). Среди последних можно отметить хутора Денисовичи, Холмы, Шабаны [1; 3]. По уточнённым данным после переписи населения БССР 1926 г. в Оршанском округе проживало ок. 900 латышей [3, л. 61].

Большинство латышей Оршанщины занимались сельским хозяйством. Их отношения с местным населением не всегда были добрососедскими. Латыши вели культурное хозяйство, практиковали 5–6-типольный севооборот, что позволяло достичь определённого благосостояния. В описании выезда в латколонию Грузды можно прочитать, что большое внимание латыши-крестьяне уделяли скотоводству, культивированию корнеплодов на корм скоту, что практически каждое хозяйство имело сепаратор [4, л. 78]. Многие хозяева-латыши получали дипломы районных сельскохозяйственных выставок. Местами это вызывало зависть у менее успешных крестьян, которые огулом считали всех латышей кулаками, а потому требовали от властей применения против них карательных мер [ср. 1, л. 33–34]. Подобных взглядов придерживались и некоторые партийные работники. Были случаи, когда районные исполкомы умышленно не сообщали латышам о месте и дате сельскохозяйственных выставок, чтобы исключить участие последних в них [3, л. 61–62].

Латыши активно пользовались возможностями, которые давала советская власть для развития частных хозяйств в годы нэпа. Практически все латыши входили в различные кооперации [3, л. 61–62]. Так, зимой 1925/1926 гг. в колонии Грузды крестьянами было организовано мелиоративное товарищество «Красный Октябрь» и получена кредитная ссуда на ведение работ. Нужно отметить, что в состав товарищества вошли не только латыши, но и белорусы. За первые годы его функционирования было прокопано более 5 тыс. погонных метров канав. Однако данная работа велась без надлежащего технического надзора. Выезжавший на место техник-мелиоратор никакого плана не составил, из-за чего крестьяне копали из собственных соображений, без главной магистрали, что имело результатом наполовину нерациональное использование средств и труда [2, л. 7, 11]. Невзирая на это значительная территория была осушена, что положительно отразилось на урожайности.

Культурно-просветительская работа среди латышей Оршанского округа шла очень посредственно. Несмотря на инициативы ОкрОНО и Оршанского Латбюро латышская школа в Груздах так и не была открыта, что объяснялось неспособностью латкрестьянства на свои средства приобрести помещение и содержать школу. Поэтому дети колонистов посещали белорусскую школу или же вообще оставались вне учреждений образования.

В Груздах с 1924 г. функционировала латышская изба-читальня, которая насчитывала 403 книги (211 на латышском языке и 192 на русском). Большая часть латышских книг были старого издания, преимущественно, сельскохозяйственные календари. Правда, из Москвы присыпались и новые книги, в основном политического содержания. Оборудование избы-читальни было слабым: один маленький столик, лампочка, при которой могли читать не более двух человек. Шкафа для хранения книг не было, и те просто валялись на полках. Никаких агитационных плакатов не было, а из визуальных изображений имелись только портреты Ленина и К. Маркса [4, л. 78]. Нужно отметить, что согласно переписи 1926 г. латыши были самой грамотной нацией БССР (читать и писать могли ок. 70% латышей, тогда как среди белорусов эта доля не превышала 36%). Многие выписывали периодические советские издания на латышском («Кревияс Циня», «Латвешу Зэмнекс», «Латвешу Арайс») и русском («Правда» и др.) языках. При избе-читальне были созданы сельскохозяйственный, драматический, политический кружки, а также радио-кружок и кружок селькоров. Заметим, что латышей интересовали в большей степени первые два, а остальные существовали номинально. Для полноценной работы драмкружка не хватало пьес на латышском языке, что, однако, не помешало в 1926 г. поставить 8 спектаклей [3, с. 61]. При избе-читальне была организована стенгазета на латышском и белорусском языках. Но с 1 января 1927 г. почти вся работа была свёрнута по причине отсутствия избача, который бы владел латышским языком. Несмотря на резолюции Оршанского Окружкома КП(б)Б, этот вопрос так и не был решён в течение нескольких лет [5, л. 43], пока в 1930-х гг. не утерял свою актуальность в связи с изменением внутриполитического курса в СССР и началом новой фазы массовых репрессий.

Не имели успеха и попытки создать комсомольскую ячейку, что объяснялось советскими органами отсутствием среди латышской молодёжиной активности и самодеятельности [6, л. 11].

Определённое влияние на латышей в это время продолжала оказывать религия, преимущественно в форме лютеранства. В колониях Грузды и Ганусин Бор из местных крестьян были определены дьяконы (перминдерсы), которые организовывали религиозную жизнь. Они сообщали пастору Густаву Швальбе, который на тот момент жил в Витебске и опекал лютеран Смоленщины и Витебщины, обо всех событиях, которые происходили в колонии: кто имел взаимоотношения с коммунистами, чьи дети и молодёжь активно участвовали в культурно-массовой советской работе, кто желает вступить в ЛКСМБ, кто разрешает в своём доме проводить общие собрания и т.д. За подобное поведение колонистам грозили исключением из церкви и отказом молодым в венчании. Советские власти с неудовлетворением отмечали, что такие угрозы всё ещё значительно воздействовали на население (не только взрослое, но и молодёжь). То же Латбюро делало неоднократные

призывы к РИКу принять активные меры по борьбе с влиянием религии [2; 3; 4].

Отношение крестьян-латышей к советской власти в годы нэпа было нейтрально-положительным. Это подтверждали резолюции созываемых районных конференций крестьян-латышей и крестьянок-латышек; высказывания на общих собраниях в колониях и во время личных бесед с представителями Латбюро (во время выездов представителей последнего на места). Такое положение вещей объяснялось посильным размером налогов, определёнными возможностями сельскохозяйственной кооперации, что содействовало развитию индивидуальных хозяйств. Правда, введённый налог на скот вызывал некоторую волну недовольства у привыкших к скотоводству латышей и привёл к общему снижению поголовья [ср. 3, л. 62]. Однако в скором времени всё это исчезнет. Сворачивание нэпа и начало колLECTIVизации, искусственно раздутый национальный антагонизм сделают латышей мишенью для репрессивной машины НКВД. В 1931 г. будут «изъяты» члены единоличных хозяйств, а через два года вслед за ними будут арестованы и колхозники [7]. Обвиняли преимущественно в антисоветской агитации и пропаганде, после чего ссылали в лагеря. Тем, кому удастся дожить до второй половины 1930-х гг., придётся столкнуться с более тяжкими обвинениями. Так, например, рабочий депо Белгресс А.Я. Земит в октябре 1938 г. будет осужден как агент латвийской разведки и через несколько недель расстрелян [7]. Лишь немногим удастся пережить этот страшный период нашей истории. В результате к началу Великой Отечественной войны латышей на Оршанщине практически не останется.

Таким образом, на территории Оршанщины после Первой мировой войны проживало сравнительно небольшое количество латышей (в сопоставлении, например, с Витебским округом), но вполне достаточное, чтобы те стали объектом работы партийных и советских органов, для чего было создано Латбюро при окружкоме КП(б)Б. Определённые трудности в проведении латработы создавал разрыв между латышами-коммунистами, живущими в городе и в большинстве своём космополитически настроенными, и латкрестьянством, живущим в деревне. В результате ни одно из направлений работы среди нацменьшинств не получило здесь должного развития. Местное население смотрело на них с некоторой настороженностью и зависимостью. Тем не менее, латыши старались самостоятельно решать свои проблемы, максимально используя те льготы, которые предоставляла им советская власть в годы нэпа. Однако очень скоро во внутренней политике СССР произойдёт крутой поворот, превративший все национальные меньшинства во врагов государства. Волны репрессий 1930-х гг. прокатятся и по латышам, практически уничтожив все следы их пребывания на белорусских землях.

Использованные источники:

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 10062, оп. 1, д. 95.

2. ГАВО. Ф. 10062, оп. 1, д. 232.
3. ГАВО. Ф. 10062, оп. 1, д. 610.
4. ГАВО. Ф. 10062, оп. 1, д. 443.
5. ГАВО. Ф. 10062, оп. 1, д. 523.
6. ГАВО. Ф. 10062, оп. 1, д. 231.

7. Мемориал: Списки жертв политического террора в СССР [электронный ресурс].

Режим доступа: <http://lists.memo.ru/>. Дата доступа: 24.10.2012.